

ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И БУДУЩЕЕ ПСИХИАТРИИ. ЧАСТЬ 1

Д.Ю. Коломыцев

*ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Омск, Россия*

Психопатологическое исследование включает в себя описание специфических изменений субъективного опыта пациента и соотнесение этих данных с объективными: функционированием мозга, психологическими способностями, поведением. Это неизбежно ставит как исследователя, так и врача-психиатра в повседневной практике перед проблемой, которую J. Levine (1983) назвал «разрывом в объяснении» [1]: невозможностью объяснения того, как мозг, будучи физической системой, «порождает» феноменальное сознание¹. Такие свойства субъективного опыта, как квалитативность, приватность, непосредственная доступность для субъекта, феноменальность («каково это» быть этим человеком?), не могут быть выведены из объективного функционирования никакой части головного мозга. Более того, с точки зрения физиологии нервной системы не существует ни одного процесса, для объяснения которого требовалось бы понятие субъективного опыта. «Разрыв в объяснении» делает беспомощными попытки психиатра ответить на вопросы «почему?», когда они касаются субъективного опыта, и приводит в действие аргумент, что психиатрия – это описательная дисциплина. Вместе с тем психопатология оперирует фактами по обе стороны этого «разрыва», что неизбежно ставит перед исследователем философские вопросы: об онтологическом статусе субъективного опыта, эпистемологии психиатрии и в конечном итоге – методологии, что имеет непосредственное значение для практики.

Проблема методов в психиатрии на протяжении всей истории дисциплины является достаточно уникальной и сложной. В начале XX века, в пер-

вую очередь благодаря трудам К. Ясперса, произошел феноменологический поворот в психиатрии. В его «Общей психопатологии» именно эпистемологические и методологические вопросы являются ключевыми, благодаря чему была заложена основа многоаспектного и корректного изучения больной психики. Ясперс показал, что, сталкиваясь с различными проявлениями психического (феномены, психические способности, психосоматические проявления, поведение), психопатолог должен использовать корректные методы исследования, чтобы избежать как игнорирования фактов, так и неочевидных ошибок. Кроме того, в силу различной природы явлений, подлежащих психопатологическому анализу, необходимо различать причинно-следственные и генетически понятные связи (понимающая и объясняющая психология), не подменяя одни другими [3, 4].

Работа Ясперса, будучи ответом на методологическую небрежность его предшественников [4], значительно повлияла на развитие психиатрии. Однако на протяжении последних десятилетий, по мнению многих исследователей, наблюдается тенденция к возвращению в прошлое, что главным образом связано с успехами биологической психиатрии. Одним из наиболее очевидных достижений стало создание эффективных лекарственных средств. «Революция» в лечении психических расстройств поменяла и отношение к их диагностике: психопатология стала восприниматься упрощенно и прагматично, в соответствии с фармакологическим эффектом препаратов. В большинстве случаев для назначения лекарства не требуется сложной дифференциальной диагностики, что порождает

¹ Феноменальное сознание (phenomenal consciousness) отделяется от сознания-доступа (access-consciousness). Сознание-доступ обладает когнитивными, функциональными и интенциональными свойствами. Феноменальное сознание связано с непосредственным переживанием опыта, а сознание-доступ – со способностью сообщать о своих переживаниях и руководствоваться ими в размышлении и поведении [2].

у ряда исследователей вопрос, а нужна ли точная психопатологическая диагностика вообще [5].

Классическим примером концептуального «шага в прошлое» служит проект RDoC. Его целью провозглашается создание классификации, в основу которой должны быть положены данные нейронаук, а не феноменология психических расстройств [6]. Этот проект и близкие к нему по духу исследования знаменуют возрождение биологического редукционизма («церебральной мифологии», по Ясперсу). По мнению многих исследователей, проект RDoC создает опасную иллюзию о возможности полного сведения психических процессов к биологическим коррелятам, что неизбежно приведет к недооценке социальных и психологических факторов в происхождении и развитии психических расстройств [7].

Критике подвергаются общепринятые классификации болезней (DSM и МКБ) за то, что ими производится «горизонтальная» группировка симптомов, не учитывающая иерархические взаимосвязи, что ведет к необоснованному упрощению диагностики: увеличение степени надежности диагноза приводит к потере его обоснованности [3]. Стремление к эксплицитности в описании психических расстройств, когда критериями диагностики выступают очевидные признаки, приводит к тому, что обесценивается психопатологический анализ и проникновение в феноменальную основу опыта, которая скрыта от прямого наблюдения. Результатом данного подхода является выделение и классификация скорее поведенческих, а не психических расстройств [8]. Несмотря на то что DSM и МКБ носят характер консенсуса, а не окончательной истины, их чрезмерный авторитет как в практике, так и в образовании приводит к печальным последствиям для психопатологического метода, что N. Andreasen назвала «смертью феноменологии» [9].

Со стороны многих отечественных и зарубежных исследователей звучат предостережения о радикальной биологизации психических расстройств, но, по их же мнению, комплексный биопсихосоциальный подход в современной психиатрии в большей степени декларируется, чем реально существует в повседневной практике [7, 10, 11]. Медико-биологические позиции на сегодняшний день доминируют в психиатрии, что приводит к игнорированию ее «гуманитарной составляющей», либо к ней применяются естественно-научные стандарты функционирования и доказывания эффективности. Это методологически неверно, наносит вред пациентам и в конечном итоге препятствует развитию

психиатрии как концептуальной, а не просто прикладной дисциплины [10].

Примечательно, что критика избыточно «биологичных» подходов происходит с философских позиций, в то время как их сторонники в позитивистском духе скорее отвергают философствование, на деле занимая радикальные и вульгарные мировоззренческие позиции, которые не подвергают сомнению и исследованию.

На наш взгляд, современный этап развития психиатрии характеризуется концептуальной деконструкцией, которая питается надеждами, связанными с успехами нейронаук. Мы хотим показать, что затянувшийся кризис современной психиатрии является лишь отдельным аспектом более широкой междисциплинарной проблемы, которая стоит и перед нейронауками: объяснения феноменального сознания с позиции работы мозга.

За последние десятилетия опубликовано значительное число работ, посвященных проблеме взаимосвязи сознания и мозга, освещающих ее со стороны как философии, так и нейронаук. Исследователи сформулировали ряд концептуально отличающихся теорий и программ исследований. Многие авторы полагают, что психиатрия может предоставить ценные для теорий фактические данные и быть своеобразным арбитром их объяснительного потенциала. Полноценная теория сознания, в свою очередь, должна способствовать лучшему пониманию психических расстройств. Тем не менее работ, рассматривающих применимость разрабатываемых теорий в области психиатрии, относительно немного.

Целью данной работы является анализ связи проблемы феноменального сознания с настоящими и потенциально возможными методологическими установками психиатрии, исходя из концептуального многообразия современных теорий сознания. Мы осуществили поиск по базам данных PubMed и eLibrary (за последние 10 лет) публикаций, касающихся сравнения теорий сознания, их философских предпосылок, критики и применимости в отношении психических расстройств. Список источников был дополнен монографиями и статьями, освещающими проблемы исследований сознания и формулирующими положения отдельных теорий. В первой части настоящей работы обсуждаются основные концептуальные решения проблемы феноменального сознания и их соотношение с психопатологическим методом. Во второй части работы анализируется ряд современных теорий сознания, описаны их перспективы для понимания психических расстройств и подразумеваемая ими трансформация методов психиатрии.

Проблемы сознания: «простые» и «трудная»

В аналитической философии проблема объяснения феноменального опыта называется «трудной проблемой сознания» – термин, который ввел Д. Чалмерс, отделив ее от сопутствующих, но принципиально «простых проблем» [12]. «Простые проблемы сознания», по Чалмерсу, связаны с ответом на вопрос, каковы те механизмы в мозге, которые опосредуют сознательное восприятие и поведение. К ним относятся способность к различению, категоризации и обобщению информации, управлению вниманием и поведением, способность давать самоотчеты, различение между сном и бодрствованием. Решение данных проблем, по его мнению, может быть найдено с использованием традиционных методов нейронаук, а удовлетворительное объяснение дано в функциональных терминах. «Трудная проблема» более фундаментальна и не может быть решена естественно-научными методами – она заключается в объяснении того, почему вообще активность когнитивных механизмов в мозге сопровождается субъективным опытом (иными словами, почему процессы обработки информации не проходят в «темноте») [2].

Формулировка «трудной проблемы» привела к разделению сфер влияния между нейронауками («простые проблемы») и философией («трудная проблема»). Главным программным направлением экспериментальных исследований стал поиск нейронных коррелятов сознания (neural correlates of consciousness – NCC) – тех активных нейронных процессов, которые тесно связаны с сознанием, и отделение их от нейрональной активности, которая не связана с осознанным опытом, а лишь сопровождает его [13]. Однако эмпирические исследования, которые должны были полагаться на прочный фундамент естественных наук, столкнулись с методологическими сложностями [14, 15]. Поскольку субъективные феномены невозможно наблюдать и измерять непосредственно, в экспериментальных исследованиях возникает необходимость выбора наиболее корректного наблюдаемого «прокси» сознания (например, вербальный отчет или нейрональная активность). Но данный выбор тесно связан с философской позицией исследователя и подразумевает ответ на вопрос о природе сознания, а значит, результаты эксперимента не могут служить основанием для корректных теоретических построений [16]. В результате на сегодняшний день существует множество нейробиологических теорий сознания, призванных решить «простые проблемы» и отсутствуют надежные способы проверить их корректность, несмотря на большой объем эмпирических исследований [17].

В свою очередь, «трудная проблема сознания» оказалась настолько трудна, что отсутствует даже единое понимание ее природы. Одни исследователи считают ее проблемой интерпретаций, которые упускают качественный и субъективный аспекты сознания. Другие полагают, что сознание не может быть объяснено на фундаментальном уровне [18]. Теоретики «трудной проблемы» обнаруживают радикально различные взгляды: от панпсихизма [2, 19] до признания сознания «иллюзией пользователя» [20, 21].

Таким образом, на сегодняшний день и «простой», и «трудной» пути к объяснению сознания не увенчались значительным успехом. Путь от фактов к теории терпит неудачу в связи с тем, что сталкивается с методологическими сложностями: «простые» проблемы оказываются тесно связанными с «трудной», поскольку мировоззренческая позиция влияет на результаты исследования [16]. Путь от теории к фактам страдает от того, что существует большое многообразие противоречащих взглядов и различные оценки перспективности подходов к решению проблемы [22].

Философские предпосылки теорий сознания

В настоящее время разрабатывается множество теорий сознания, но ни одна из них не обладает достаточной убедительностью, чтобы стать единственной. Одной из нетривиальных задач представляется сравнение и классификация самих теорий сознания, исходя из их предпосылок, влияния друг на друга, способов объяснения явлений [23]. Фундаментальность вопроса о природе психики приводит к тому, что метафизическая позиция, лежащая в основе той или иной теории, имеет не меньшее значение, чем факты, которые та рассматривает. Интерпретация экспериментальных данных остается неоднозначной и является предметом концептуальных решений [24]. В связи с этим попытки разобраться хотя бы в такой простой вещи, как разнообразие теорий сознания, не могут обойтись без изучения их философских предпосылок.

Существование феноменального опыта, каким мы его интуитивно знаем (в частности, психической причинности), бросает вызов основному принципу естественно-научной картины мира – каузальной замкнутости (все, что существует, имеет физическую природу или полностью определяется тем, что имеет физическую природу) [25]. Данное противоречие возможно разрешить различными путями, которые приведут к тому, что либо сознание не обладает теми свойствами, какие мы ему приписываем, либо само противоречие оказывается

ложным, либо неверной является научная картина мира. Все эти пути предполагают ответ на вопрос о природе соотношения физического и психического, что достаточно полно освещалось на протяжении истории философской мысли [26]. Ниже мы освещаем основные подходы в отношении психофизической проблемы.

Дуалистические подходы подразумевают различную природу физического и психического. Их слабое место – проблема взаимодействия (если природа физического и психического различна, то как возможно их взаимодействие?). Современные исследователи редко придерживаются позиций *субстанционального дуализма* (тело и душа как две независимые субстанции), а говорят скорее о невыводимости феноменальных свойств из физических.

Эпифеноменализм как разновидность *дуализма свойств* подразумевает, что психическое, хотя и реально существует, не оказывает никакого влияния на физическое, а является лишь эпифеноменом, возникающим в результате мозговой деятельности. Снимая противоречие, касающееся каузальной замкнутости, эпифеноменализм порождает новые (часто абсурдные или самодискредитирующие) противоречия: например, любые высказывания о сознании не имеют отношения к самому сознанию, следовательно, эпифеноменализм, будучи таковым высказыванием, к сознанию не имеет отношения [2, 27].

Панпсихизм подразумевает, что субъективный опыт – это фундаментальный «внутренний» аспект физического мира, который должен быть свойственен даже элементарным физическим объектам. Тем не менее мы не обнаруживаем признаков, которые позволяют предположить некий внутренний мир, например, у элементарных частиц. Собственно, современные панпсихисты не подразумевают у них наличия психики, в полной мере подобной человеческой, а говорят скорее о протопсихических состояниях. Однако непонятной остается динамика этих состояний: если собственно психическое реализуется на определенном уровне сложности, то в каком-то смысле понятие протопсихического лишается содержания, поскольку говорит о зарождении сознания на более высоком уровне, чем изначально предполагает панпсихизм [28, 29].

Монизм, в отличие от дуализма, – это представление о том, что природа едина и в своей основе либо материальна (физикализм), либо сознательна (идеализм).

Идеалистический монизм утверждает, что сознание первично и физическое, может быть, к нему сведено. Главная проблема этого подхода заключа-

ется в том, что он несовместим с естественно-научной картиной мира.

Редуктивный физикализм неоднороден и представлен несколькими вариантами ответа на вопрос, какие физические процессы лежат в основе сознания. *Вульгарный материализм* (психика как особая разновидность вещества) в настоящее время не рассматривается сколько-нибудь серьезно.

Согласно *теории тождества*, психические состояния тождественны физическим процессам в головном мозге. Одной из проблем идеи тождества является то, что, даже имея всю полноту знаний о физических процессах в мозге, мы не можем обнаружить ничего, что содержало бы в себе собственно феноменальное качество (например, знание устройства мозга и всей сложности поведения летучей мыши не дает ответа на вопрос, «каково это» быть ей). Если объектом изучения является сам опыт, то необходим именно он, а не то, что делает этот опыт возможным. Следовательно, психическое не может быть приравнено к физическим процессам [30, 31].

Бихевиоризм считает, что предметом изучения может быть только поведение, поскольку достоверны лишь те факты, которые независимы от наблюдателя: психическое сводится к поведению, а внутренним процессам следует отказать в достоверности. Проблемой бихевиоризма является игнорирование и выведение за скобки психического – в результате бихевиористские построения максимально противоречат повседневному интуитивам о сознании.

Функционализм предполагает, что психические процессы сводятся не к какому-либо физическому процессу в мозге, но к обработке информации. А поскольку информация инвариантна по отношению к своему носителю, то могут быть иные носители психики, кроме мозга. При этом функциональные отношения не сводятся к физическим процессам. Функционализм фактически не обнаруживает функции самого феноменального опыта, и (как и любая разновидность физикализма), редуцируя психическое, теряет его феноменальные качества.

Одним из наиболее ярких примеров физикалистской теории (бихевиоризм и функционализм), которая значительно повлияла на нейробиологические исследования, является *теория сознания Д. Деннета*. Отталкиваясь от того, что достоверными могут быть только независимые от наблюдателя факты (словесные отчеты и поведение) и от несовершенства внутренних интуиций, которые мы имеем о себе, он приходит к выводу, что внутреннее «Я» не существует как таковое – есть лишь некоторый виртуальный персонаж («иллюзия пользователя»),

создаваемый потоками информации, конкурирующими друг с другом за доступ к мозгу: выбор конечного поведения зависит от того, какой поток оказался победителем в борьбе за доступ. Интуиция об активности целостного «Я» («главного режиссера в театре») лишь удобная иллюзия, возникающая в результате этого процесса. По словам Деннета, «наши рассказы о себе плетутся, но большей частью не мы их сплетаем – они плетут нас. Наше сознание и наша нарративная самость представляют собой результат, а не источник». Признание «Я» иллюзией пользователя закономерно приводит к представлению об иллюзорности отдельных составляющих феноменального опыта (квалиа) и субъективного сознания в целом. А следовательно, само понятие феноменального опыта следует исключить из науки о сознании, поскольку в действительности его не существует, по крайней мере в том виде, в каком он описывается. Собственно, и «трудная проблема сознания» тоже может быть снята с повестки [20, 32].

Помимо монизма и дуализма существуют подходы, которые снимают проблему сознания с рассмотрения.

Элиминативизм полагает, что сама идея о наличии сознания – плод упрощенного объяснения, происходящая от «народной психологии», и не отличается от прочих идей наподобие полтергейста, привидений, колдовства, субстанциональной души. Проблема элиминативизма в том, что недоверие к внутренним оценкам приравнивается к их отсутствию. Однако интерпретация, даже будучи ложной, не отменяет реальности феномена, лежащего в ее основе.

Мистерианский подход отрицает саму возможность ответа на вопрос о природе сознания. Противоречивость и недостатки физикалистских и дуалистических подходов видятся как следствие принципиальной невозможности ответов. Может быть, человеческого «когнитивного и концептуального репертуара» недостаточно, чтобы заполнить провал в объяснении [26]. Очевидным недостатком мистерианства является познавательный пессимизм.

Феноменологический подход говорит о радикальной первичности сознательного опыта, но в то же время выводит за скобки любые объяснительные концепции, в том числе отказывается говорить о природе психического.

С некоторой долей условности можно проследить схожие позиции о природе психики у теории тождества и эпифеноменализма (основополагающими являются физические процессы в мозге), функционализма и панпсихизма (основополагаю-

щими являются процессы обработки информации), бихевиоризма и элиминативизма (интуиции о сознании неверны), идеализма и феноменологии (радикальная первичность субъективного опыта).

В каком-то смысле все рассмотренные объяснения плохи – жертвами имеющихся взглядов на природу сознания являются или интуиции здравого смысла, или принципы естественной науки, а попытки многих теорий примирить противоречия ведут к парадоксам. Подобная ситуация переносится в нейробиологические теории, которые, хотя и не претендуют на новое слово в философии, не могут быть избавлены от влияния позиции их авторов. Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает совместимость нейробиологических теорий и психопатологии с учетом разнообразия концептуальных решений, о чем пойдет речь во второй части работы.

Философская позиция психиатра

Д. Чалмерс с некоторой иронией выделяет среди философских позиций «ничего не понимающий материализм»: «Я ничего не понимаю в сознании. Оно кажется мне совершенно таинственным. Но оно должно быть физическим, так как материализм должен быть истинным» [2]. Д. Чалмерс утверждает, что это широко распространенная позиция, но вряд ли она справедлива для психиатра хотя бы потому, что феноменальное сознание является областью его экспертного знания.

Несмотря на то что психиатрия как клиническая дисциплина дистанцируется от решения фундаментальных вопросов, некоторые метафизические основы она подразумевает. Методология психиатрии попросту несовместима со многими решениями из приведенных выше (редуктивными и элиминативистскими в первую очередь). В то же время психопатологический анализ затрагивает множество переменных, которые рассматриваются с позиций философски противоречащих друг другу концепций в зависимости от того, какой аспект психического расстройства обсуждается: биологический, феноменальный, когнитивный, поведенческий, экзистенциальный или социальный.

Психопатология, будучи метафизически неоднозначной, содержит и вполне определенные позиции по отдельным вопросам. Так, для целей диагностики более базовым является представление о форме опыта, а не его содержании (в отличие от установок функционализма). Психиатр разводит понятия отклоняющегося поведения и психического расстройства (отрицание бихевиоризма), социокультурные феномены выводятся за границы психопатологии,

при этом сущность психического расстройства усматривается в изменении работы мозга (редуктивный физикализм). Психиатрия подчеркивает, что психические расстройства – это заболевания не мозга, а, скорее, личности. Роль биологического фактора тем не менее представляется ключевой (нередуктивный физикализм), хотя приоритетным для психиатрического анализа чаще всего является субъективный опыт (феноменология), а изменения в мозге или когнитивном функционировании часто неспецифичны (в противовес теории тождества и функционализму).

Аспекты субъективного опыта, которые не могут быть редуцированы к биологическому, являются в психопатологии предметом рассмотрения. Вопрос, влияют ли эти аспекты на объективное положение дел, имеет однозначный положительный ответ (отрицание эпифеноменализма). Начало психической болезни подразумевает одновременно практически неразличимые объективные проявления и отчетливые (хотя порой и сложно вербализуемые) изменения во внутреннем мире пациента, из которых «вырастает» уже клинически значимый психопатологический синдром. Проникновение во внутренний мир пациента и понимание «каково это?», по всей видимости, не то, чем можно пренебречь даже с учетом полного понимания принципов функционирования головного мозга.

Мы полагаем, что психиатры имеют некоторое «усредненное» представление о проблеме природы сознания. По крайней мере в той степени, в которой это связано с психическими расстройствами. Из-за концептуальной сложности психиатрии этот метафизический фон практически неизбежно содержит противоречия, что может приводить к нестабильности терминологии, использованию в рассуждениях несовместимых понятий, методологическим ошибкам.

В процессе клинического мышления феномены субъективной реальности пациента сплетаются с оценками его поведения, анализом речевых высказываний, с разрозненными представлениями о функционировании мозга, множественными концептами психических расстройств (болезнь, синдром, спектр, расстройство личности и т.д.), критериями диагноза, невербализуемым интуитивным чутьем самого врача. В этот момент психиатр часто находится над пропастью в объяснении и заполняет пробелы, вынося в той или иной степени упрощенные суждения, которые связывают субъективную и объективную реальности. Таким образом, ответы на вопросы относительно конкретного пациента являются отчасти философскими. В связи с этим

можно задаться вопросом: есть какая-то концептуальная ценность в специфическом психиатрическом взгляде на сознание или он не содержит ничего, кроме известных решений и ошибок?

Неоднозначность метафизической позиции, на наш взгляд, может приводить к двум сценариям ответов на сложные вопросы психиатрии. Первый – это плюрализм, когда различные аспекты психического расстройства последовательно рассматриваются в рамках соответствующих концепций, ярким примером чего является «Общая психопатология» К. Яспера. Во втором случае игнорирование проблематики сознания приводит к абсурдным компромиссам или слепой тенденциозности.

Возвращаясь к противоречию между психической причинностью и каузальной замкнутостью физического, мы видим, что какому-либо единому философскому решению психиатрия не следует. Возможно, некая стандартная позиция современного психиатра в отношении «трудной проблемы» может быть близка к ответам Дж. Серла. Исходя из его философии, противопоставление сознательного и физического является культурально обусловленной установкой и потому может быть отброшено. Он указывает на принципиальную невозможность редукции, утверждая, что не вся реальность объективна – некоторая ее часть субъективна: ментальные состояния всегда принадлежат лишь первому лицу. В своих работах он критикует бихевиористскую позицию отрицания сознания. Бегство от первого лица и попытка переопределить психическое в терминах третьего лица, с его точки зрения, является несостоятельным подходом в разработке проблемы сознания. Сознание оказывает влияние на поведение, являясь высокоуровневым свойством нейронных процессов, при этом онтологически сознание отличается от этих процессов. Ментальная реальность, по Серлу, представляет собой особый уровень физической реальности [26, 33]. Однако Дж. Серла часто критикуют за непоследовательность и противоречивость его позиции, которая, скорее, маскирует «трудную проблему» [34]. Так, по мнению В.В. Васильева (2022), Дж. Серла можно охарактеризовать как скрытого эпифеноменалиста [26].

Современное положение дел в психиатрии характеризуется осознанной концептуальной неопределенностью, что выражается в компромиссных классификациях психических расстройств (DSM и МКБ), а также возврате к биологическому редукционизму в форме элиминативизма, который претендует на то, чтобы стать теоретическим основанием

(проект RDoC) для психиатрии. Одной из мировоззренческих альтернатив, которая является ответом данной программе, является *энактивизм* [35].

Энактивистский подход основан на идее, что познание представляет собой воплощенную деятельность, а любая жизнь включает в себя некоторую форму познавательной деятельности. Познание является активным процессом создания смысла: он рекурсивен и создает наблюдателя. Такие биологические объекты, как нейронные цепи, не «вызывают» определенное поведение, а служат составной частью более широкой сети причинно-следственных связей, которая охватывает не только мозг, но и все тело и окружающую среду. Эти связи одновременно являются и причинами, и следствиями поведения, то есть носят не линейный, а организующий характер [36].

Противопоставить энактивистский подход можно преобладающему в когнитивных науках функционализму, поскольку он отказывается от идеи репрезентационализма (мозг формирует внутреннюю модель реальности) и представлении о разуме как вычислительном процессе. Феноменальный опыт при этом понимается не как производное мозговой

деятельности, а как встроенный в мир в более широком смысле (мозг, все тело и окружающий мир).

Энактивизм может быть основанием для плюрализма, необходимого в психиатрии, поскольку непротиворечиво вбирает в себя данные, полученные в самых разнообразных эмпирических исследованиях. Вместе с тем сам он носит скорее концептуальный характер и является некоторой исследовательской этикой [37]. Энактивизм считает себя развитием феноменологической программы: он рассматривает опыт от первого лица как реальный, не игнорируя его качественный и приватный характер, общая модель реальности при этом носит циклический характер и не разделена на внешнюю и внутреннюю (холизм). Однако, в отличие от классической феноменологии, энактивизм пытается объединить феноменологический и натуралистический подходы, что вызывает определенные философские возражения [38]. В то же время, возможно, энактивизм представляет перспективу преодолеть самоизоляция и отказ от любых объяснительных концепций – те качества, которые психиатрия унаследовала от классической феноменологии и которые сдерживают ее развитие на современном этапе.

Автор заявил об отсутствии конфликта интересов.

Научная работа инициативная, не финансируемая.

Автор выражает благодарность доктору медицинских наук Г.М. Усову, доценту, заведующему кафедрой психиатрии, медицинской психологии ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России, за помощь в редактировании статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Levine J. Materialism and qualia: the explanatory gap // *Pacific Philos. Quart.* 1983. Vol. 64, No 4. P. 354–361.
2. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: Едиториал УРСС, 2019. 512 с.
3. Ткаченко А.А. Психопатологическое исследование. М.: проект lettera.org, 2012. 233 с.
4. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
5. Zimmerman M. Does the Adequacy of Clinicians' Diagnostic Practice in Routine Clinical Settings Matter? // *J. Clin. Psychiatry.* 2015. Vol. 76, No 7. P. 888–890. DOI: 10.4088/JCP.14com09633
6. Cuthbert B.N. The RDoC framework: facilitating transition from ICD/DSM to dimensional approaches that integrate neuroscience and psychopathology // *World Psychiatry.* 2014. Vol. 13, No 1. P. 28–35. DOI: 10.1002/wps.20087
7. Холмогорова А.Б. Обострение борьбы парадигм в науках о психическом здоровье: в поисках выхода // *Социальная и клиническая психиатрия.* 2014. Т. 24, № 4. С. 53–61.
8. Краснов В.Н. Современные изменения принципов диагностики и классификации психических расстройств // *Социальная и клиническая психиатрия.* 2018. Т. 28, № 1. С. 58–61.
9. Andreasen N.C. DSM and the death of phenomenology in America: an example of unintended consequences // *Schizophr. Bull.* 2007. Vol. 33, No 1. P. 108–112. DOI: 10.1093/schbul/sbl054
10. Незнанов Н.Г., Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии // *Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева.* 2019. № 1. С. 8–15. DOI: 10.31363/2313-7053-2019-1-8-15
11. Maj M. Beyond diagnosis in psychiatric practice // *Ann. Gen. Psychiatry.* 2020. Vol. 19. P. 27. DOI: 10.1186/s12991-020-00279-2
12. Дубровский Д.И. Субъективная реальность // *Философская антропология.* 2018. Т. 4, № 2. С. 186–217. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-2-186-217
13. Crick F., Koch C. Towards a neurobiological theory of consciousness // *Semin. Neurosci.* 1990. Vol. 2. P. 263–275.
14. Klein C., Barron A.B. How experimental neuroscientists can fix the hard problem of consciousness [Электронный ресурс] // *Neurosci. Conscious.* 2020. Vol. 2020, No 1. Art. niaa009. DOI: 10.1093/nc/niaa009
15. Seth A.K., Bayne T. Theories of consciousness // *Nat. Rev. Neurosci.* 2022. Vol. 23. P. 439–452. DOI: 10.1038/s41583-022-00587-4
16. Pinto Y., Stein T. The hard problem makes the easy problems hard – a reply to Doerig et al. // *Cogn. Neurosci.* 2021. Vol. 12, No 2. P. 97–98. DOI: 10.1080/17588928.2020.1838469
17. Kirkeby-Hinrup A. Quantifying empirical support for theories of consciousness: a tentative methodological framework // *Front. Psychol.* 2024. Vol. 15. P. 1341430. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1341430
18. Нагуманова С.Ф. Почему нас должен заботить разрыв в объяснении сознания, а не трудная проблема сознания? // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2015. Т. 44, № 2. С. 136–145. DOI: 10.5840/EPSP201544214
19. Chalmers D.J. Panpsychism and Panprotopsychism [Электронный ресурс] // 2012. URL: <http://consc.net/papers/panpsychism.pdf> (дата обращения: 28.12.2024).

20. Dennett D.C. *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown, & Co, 1991. 511 p.
21. Kammerer F. The illusion of conscious experience // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 845–866. DOI: 10.1007/s11229-018-02071-y
22. Васильев В.В. Споры о сознании в аналитической философии (предисловие к публикации) // *Историко-философский альманах*. 2007. Вып. 2. С. 215–222.
23. Signorelli C.M., Szczotka J., Prentner R. Explanatory profiles of models of consciousness – towards a systematic classification // *Neurosci. Conscious*. 2021. Vol. 2. Art. niab021. DOI: 10.1093/nc/niab021
24. Кузнецов А.В. Когнитивные исследования и проблема ментальной каузальности // *Вопросы философии*. 2014. № 3. С. 133–142.
25. Кузнецов А.В. Локальный интеракционизм. Новое решение проблемы ментальной каузальности // *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 148–161.
26. Васильев В.В. *Трудная проблема сознания*. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
27. Робинсон У. Эпифеноменализм [Электронный ресурс] // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / Под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL: <http://philosophy.ru/epiphenomenalism> (дата обращения: 28.12.2024).
28. Гусев А. Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // *Философская антропология*. 2021. Т. 7, № 2. С. 85–103. DOI: 10.21146/2414-3715-2021-7-2-85-103
29. Сигер У., Аллен-Хермансон Ш. Панпсихизм [Электронный ресурс] // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / Под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL: <http://philosophy.ru/panpsychism> (дата обращения: 28.12.2024).
30. Гаспарян Д.Э. В защиту феноменального сознания: аргументы против физикализма в современной аналитической философии (Часть 2) // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2014. № 1. С. 52–85.
31. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review*. 1974. Vol. 83, No 4. P. 435–450.
32. Дубровский Д.И. В «театре» Дэниэла Деннета (об одной популярной концепции сознания) [Электронный ресурс] // *Novainfo*. 2011. № 7. URL: <https://novainfo.ru/article/2224> (дата обращения: 27.01.2025).
33. Сёрл Дж. *Открывая сознание заново*. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
34. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (по поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») [Электронный ресурс] // *Novainfo*. 2011. № 4. URL: <https://novainfo.ru/article/763> (дата обращения: 27.01.2025).
35. Nielsen K., Ward T. Towards a new conceptual framework for psychopathology: embodiment, enactivism, and embedment // *Theory Psychol*. 2018. Vol. 28. P. 800–822. DOI: 10.1177/0959354318808394
36. de Haan S. Bio-psycho-social interaction: an enactive perspective // *Int. Rev. Psychiatry*. 2021. Vol. 33, No 5. P. 471–477. DOI: 10.1080/09540261.2020.1830753
37. Gauld C., Nielsen K., Job M. et al. From analytic to synthetic-organizational pluralisms: A pluralistic enactive psychiatry // *Front. Psychiatry*. 2022. Vol. 13. P. 981787. DOI: 10.3389/fpsy-2022.981787
38. Гаспарян Д.Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // *Философский журнал*. 2020. Т. 13, № 1. С. 80–96. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96

REFERENCES

1. Levine J. Materialism and qualia: the explanatory gap. *Pacif Philos Quart*. 1983;64(4):354–61.
2. Chalmers D. *Soznayushchii um. V poiskakh fundamental'noi teorii*. Moscow: Editorial URSS; 2019. 512 p. (In Russ.)
3. Tkachenko AA. *Psikhopatologicheskoe issledovanie*. Moscow: proekt letterra.org; 2012. 233 p. (In Russ.)
4. Yaspers K. *Obshchaya psikhopatologiya*. Moscow: Praktika; 1997. 1056 p. (In Russ.)
5. Zimmerman M. Does the Adequacy of Clinicians' Diagnostic Practice in Routine Clinical Settings Matter? *J Clin Psychiatry*. 2015;76(7):888–90. DOI: 10.4088/JCP.14com09633
6. Cuthbert BN. The RDoC framework: facilitating transition from ICD/DSM to dimensional approaches that integrate neuroscience and psychopathology. *World Psychiatry*. 2014;13(1):28–35. DOI: 10.1002/wps.20087
7. Kholmogorova AB. [Clash of paradigms in mental health sciences: in search of a way out]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*. 2014;24(4):53–61. (In Russ.)
8. Krasnov VN. [Present-day changes in mental disorders diagnostic and classification principles]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*. 2018;28(1):58–61. (In Russ.)
9. Andreasen NC. DSM and the death of phenomenology in America: an example of unintended consequences. *Schizophr Bull*. 2007;33(1):108–12. DOI: 10.1093/schbul/sbl054
10. Neznanov NG, Kotsyubinsky AP, Kotsyubinsky DA. [Crisis of natural-scientific and human approaches in psychiatry]. *Obozrenie psikhatrii i meditsinskoj psikhologii im. VM Bekhtereva [VM Bekhterev review of psychiatry and medical psychology]*. 2019;(1):8–15. (In Russ.) DOI: 10.31363/2313-7053-2019-1-8-15
11. Maj M. Beyond diagnosis in psychiatric practice. *Ann Gen Psychiatry*. 2020;19:27. DOI: 10.1186/s12991-020-00279-2
12. Dubrovskii DI. [Subjective reality]. *Filosofskaya antropologiya*. 2018;4(2):186–217. (In Russ.) DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-2-186-217
13. Crick F, Koch C. Towards a neurobiological theory of consciousness. *Semin Neurosci*. 1990;2:263–75.
14. Klein C, Barron AB. How experimental neuroscientists can fix the hard problem of consciousness. *Neurosci Conscious*. 2020;2020(1):niaa009. DOI: 10.1093/nc/niaa009
15. Seth AK, Bayne T. Theories of consciousness. *Nat Rev Neurosci*. 2022;23:439–52. DOI: 10.1038/s41583-022-00587-4
16. Pinto Y, Stein T. The hard problem makes the easy problems hard – a reply to Doerig et al. *Cogn Neurosci*. 2021;12(2):97–8. DOI: 10.1080/17588928.2020.1838469
17. Kirkeby-Hinrup A. Quantifying empirical support for theories of consciousness: a tentative methodological framework. *Front Psychol*. 2024;15:1341430. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1341430
18. Nagumanova SF. [Why should we care about the explanatory gap, and not the hard problem]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015;44(2):136–45. (In Russ.) DOI: 10.5840/EPS201544214
19. Chalmers DJ. *Panpsychism and Panprotopsychism*. 2012. URL: <http://consc.net/papers/panpsychism.pdf> (accessed on: 28.12.2024).
20. Dennett DC. *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown, & Co; 1991. 511 p.
21. Kammerer F. The illusion of conscious experience. *Synthese*. 2021;198:845–66. DOI: 10.1007/s11229-018-02071-y
22. Vasil'ev VV. *Spory o soznanii v analiticheskoi filosofii (predislovie k publikatsii)*. *Istoriko-filosofskii al'manakh*. 2007;(2):215–22. (In Russ.)
23. Signorelli CM, Szczotka J, Prentner R. Explanatory profiles of models of consciousness – towards a systematic classification. *Neurosci Conscious*. 2021;2:niab021. DOI: 10.1093/nc/niab021
24. Kuznetsov AV. *Kognitivnye issledovaniya i problema mental'noi kausal'nosti*. *Voprosy filosofii*. 2014;(3):133–42. (In Russ.)
25. Kuznetsov AV. [Local interactionism. The New Solution of the Problem of Mental Causation]. *Voprosy filosofii*. 2016;(1):148–61. (In Russ.)
26. Vasil'ev VV. *Trudnaya problema soznaniya*. Moscow: Progress-Traditsiya; 2009. 269 p. (in Russ.)
27. Robinson U. *Epifenomenalizm*. In: DB Volkov, VV Vasil'ev, MO Kedrova, editors. *Stenfordskaya filosofskaya entsiklopediya: perevody izbrannykh statei*. URL: <http://philosophy.ru/epiphenomenalism> (accessed on: 28.12.2024). (In Russ.)
28. Gusev A. [Panpsychism in the contemporary analytical philosophy of mind]. *Filosofskaya antropologiya*. 2021;7(2):85–103. (In Russ.) DOI: 10.21146/2414-3715-2021-7-2-85-103

29. Siger U, Allen-Khermanson Sh. Panpsihizm. In: DB Volkov, VV Vasil'ev, MO Kedrova, editors. Stenfordskaya filosofskaya entsiklopediya: perevody izbrannykh statei. URL: <http://philosophy.ru/panpsychism> (accessed on: 28.12.2024). (In Russ.)
30. Gasparyan DE. [In defence of phenomenal consciousness: argument against physicalism in contemporary analytic philosophy (part II)]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of IT & Cyberspace (PhilIT&C)]. 2014;(1):52–85. (In Russ.)
31. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*. 1974;83(4):435–50.
32. Dubrovskii DI. V "teatre" Deniela Denneta (ob odnoi populyarnoi kontseptsii soznaniya). *NovaInfo*. 2011;(7). URL: <https://novainfo.ru/article/2224> (accessed on: 28.12.2024). (In Russ.)
33. Serl Dzh. *Otkryvaya soznanie zanovo*. Moscow: Ideya-Press; 2002. 240 p. (In Russ.)
34. Dubrovskii DI. *Novoe otkrytie soznaniya? (po povodu knigi Dzhona Serla "Otkryvaya soznanie zanovo")*. *NovaInfo*. 2011;(4). URL: <https://novainfo.ru/article/763> (accessed on: 28.12.2024). (In Russ.)
35. Nielsen K, Ward T. Towards a new conceptual framework for psychopathology: embodiment, enactivism, and embedment. *Theory Psychol*. 2018;28:800–22. DOI: 10.1177/0959354318808394
36. de Haan S. Bio-psycho-social interaction: an enactive perspective. *Int Rev Psychiatry*. 2021;33(5):471–7. DOI: 10.1080/09540261.2020.1830753
37. Gauld C, Nielsen K, Job M, et al. From analytic to synthetic-organizational pluralisms: A pluralistic enactive psychiatry. *Front Psychiatry*. 2022;13:981787. DOI: 10.3389/fpsy.2022.981787
38. Gasparyan DE. [Phenomenology without a transcendental subject: neurophenomenology and enactivism in search of a first- person perspective]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophy Journal]. 2020;13(1):80–96. (In Russ.) DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-80-96

ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И БУДУЩЕЕ ПСИХИАТРИИ.

ЧАСТЬ 1

Д.Ю. Коломыцев

ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России, Омск, Россия

В первой части статьи обсуждаются основные концепции о природе психики и их связь с методологическими установками психиатрии. Под влиянием объема накопленных данных, и особенно со стороны нейронаук, современная психиатрия переживает концептуальный кризис. Существенным элементом, лежащим в его основе, является проблематика феноменального сознания. Субъективный опыт служит серьезным предметом изучения в психиатрии, однако его крайне сложно вписать в естественно-научную картину мира. Психиатрия, как медицинская дисциплина, находится в стороне от поиска решения этой проблемы – он происходит на поле философии и нейронаук. Вместе с тем оконча-

тельных ответов относительно природы феноменального сознания нет, в первую очередь из-за концептуальных противоречий. Психиатрия как практика не придерживается единой и последовательной позиции в отношении феноменального опыта. Ее концептуальная сложность является аргументом для плюралистического подхода и осознания концептуального «стиля» тех или иных суждений о психических расстройствах.

Ключевые слова: «трудная проблема сознания», феноменальное сознание, философия сознания, природа психики, психические расстройства, методология психиатрии.

PHENOMENAL CONSCIOUSNESS AND THE FUTURE OF PSYCHIATRY. PART I

DYu Kolomytsev

Omsk State Medical University, Omsk, Russia

The first part of this article discusses the basic concepts of the nature of the psyche and their relationship to the methodological principles of psychiatry. Modern psychiatry is facing a conceptual crisis that has been brought about by the accumulation of data, especially from the field of neuroscience. The essential element underlying the crisis is the problem of phenomenal consciousness. Subjective experience is an important area of study in psychiatry, but it can be challenging to fit within the natural scientific understanding of the world. Psychiatry, as a medical discipline, is on the periphery of the search for a solution to this problem, occurring within the fields of philosophy

and neuroscience. However, there are no definite answers regarding the nature of phenomenal consciousness, mainly due to conceptual contradictions. Psychiatry does not have a single, consistent approach to phenomenal experience. This complexity is a reason for adopting a pluralistic approach that recognizes the different "styles" of thinking about mental health conditions.

Keywords: "the hard problem of consciousness", phenomenal consciousness, philosophy of consciousness, the nature of the psyche, mental disorders, methodology of psychiatry.

Коломыцев Дмитрий Юрьевич – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, медицинской психологии ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет» Минздрава России; SPIN-код: 2454-7852; PИHЦ AuthorID: 907633; ORCID: 0000-0002-9330-4438; e-mail: d.kolomytsev@icloud.com